

The book cover features a collage of three images: a windmill in the top left, a forested hill in the top right, and a field of orange flowers in the center. The background is a solid orange color. The title 'ОГОНЬКИ' is written in white capital letters on a red banner at the bottom.

Александр
Махнёв

ОГОНЬКИ

Жизнь и судьба (Горизонт)

Александр Махнёв
Огоньки (сборник)

«Горизонт»

2015

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Махнёв А. В.

Огоньки (сборник) / А. В. Махнёв — «Горизонт»,
2015 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

ISBN 978-5-906858-07-8

В книге автор устами своего героя рассказывает о жестоком и трудном прошлом простого человека, фрагментах или, образно говоря, наиболее ярких «огоньках его памяти», о прожитых годах. Одним из наиболее сильных повествований в книге является рассказ «Без вести пропавший». Написанный в период празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, он обнажает горькую правду войны. Три с половиной миллиона солдат в этой войне пропали без вести. Герой этого рассказа – один из них. Повесть «Гофброкер», рассказы, миниатюры, иронические зарисовки, изложенные в сборнике, – это добротные авторские наблюдения жизни. Они написаны ярко, легко, приятны для чтения.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-906858-07-8

© Махнёв А. В., 2015
© Горизонт, 2015

Содержание

От автора	6
Огоньки	7
Вместо предисловия	7
Памятное	10
Наш род, фамилия, наша семья	14
Война	18
Парад Победы	22
Культ личности	24
Старые документы рассказывают	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Махнёв

Огоньки (сборник)

Я искренне благодарен жене Татьяне за помощь в работе над этой книгой, помощь советом, дружеской поддержкой. Эту книгу я дарю ей

© Махнёв А.В., 2016

От автора

Сборник открывает автобиографическая повесть «Огоньки». Это записки, сделанные моим отцом. Я счёл целесообразным включить их в книгу, поскольку его рассказ – по сути, рассказ о людях его поколения, тех, кто на своих плечах перенёс тяжелейшие испытания военным временем. Фрагменты воспоминаний босоногого детства, юности в тяжелейшую годину испытаний войной, названные отцом «яркими огоньками его памяти», интересны, поучительны и дают некое представление о том времени. Его рассказ о жестоких годах культа личности Сталина, начале войны, параде Победы, последующие фрагменты его непростой жизни, повествования о семье, родных – это та правда, тот источник, на базе которого формируется «госпожа История». Мне кажется, его автобиографические записки будут интересны не только моим детям и внукам, но и читателю, который откроет эту книгу.

Тему жестокого и трудного прошлого продолжит рассказ «Без вести пропавший». Я написал его к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Девять пожелтевших от времени солдатских писем – это всё, что осталось в нашем семейном архиве от моего дяди Александра, Шуры, как звала его мама. И извещение о том, что он пропал без вести. Сухие строчки официального документа, за которыми страшная правда войны. Их, таких безвестных солдат, в той войне было более трёх миллионов. Это страшно. Страшен сам исход, судьба человека. Он не погиб, но его нет... И об этом мы тоже должны помнить.

Большая часть последующих моих рассказов, эссе, миниатюр основана на реальных событиях, мои герои имеют свои реальные прототипы. Кое-где, как и подобает, пожалуй, большинству прозаиков, я прихвастнул, подкрасил тот или иной фрагмент и постарался сделать его приятным для чтения. Мне нравится изложение с лёгкой иронией, я с удовольствием и сам читаю написанное остроумно и лаконично. И свои рассказы также постарался писать легко и с иронией.

Читайте с удовольствием, и если вам написанное мною понравится, я буду весьма рад.

Александр Махнёв

Огоньки

Вместо предисловия

«Огоньки» – так назывались автобиографические записки, сделанные моим отцом Махнёвым Владимиром Алексеевичем в 1990 году. Они сделаны от руки, под копирку, в нескольких экземплярах и только для родных. Записки несколько раз автором пополнялись, но в целом их основной смысл сохранён.

Минуло с той поры более четверти века. Я много раз обращался к этим запискам, особенно после смерти отца. Здесь всё интересно, и конкретные фрагменты его большой и насыщенной жизни, и его переживания, мысли, сомнения. В записках много личного, есть даже предсказания, что, в общем-то, не удивительно для меня, отец был разносторонне талантлив и умен. Что-то в этих записях было наивным, может быть, не совсем и до конца осмыслено. Но всё было интересно. И я понял, что записки отца могут быть интересными не только для меня, но и для моих детей, в последующем, думаю, и внукам. Ведь, повествуя о себе, отец, по сути, рассказывает о своём поколении.

И ещё один момент. Записки носят автобиографический характер, и это очень важно сегодня, и не только для меня. Ибо у читателя, который ознакомится с ними, вполне резонно может появиться мысль: а что я знаю об истории своего рода, о своих родителях, о предках, близкой родне? Кто я, откуда идут мои корни?

Вопросы эти если не загонят в тупик, то уж наверняка многим могут показаться сложными, особенно молодым людям. И ответы на них известны – не князя, мол, хвастать нечем.

Что же, может быть и так.

Однако, мне думается, с годами всё одно придёт мысль: «Кто мой дед и прадед, как они жили, какую отметинку оставили на этой земле?» И мысли эти, как безусловный рефлекс, обязательно придут. Не мною одним предсказано.

Будет ли поздно?

Не знаю. Может, и да, ведь жизнь такая стремительная штука, упустишь мгновение, потеряешь и след.

Посудите сами, вот ведь что получается. Всего за неполных два столетия косточки наших предков оказались разбросаны практически по всему миру. И это, наверное, не только моей семьи касается. Время было такое. За эти века чего только на нашу матушку-Русь не навалилось, и великое переселение народов, три мировых военных пожара, революционные потрясения, и миллионы, десятки миллионов жертв. А сколько крови выпило восстановление порушенного. И через всё это прошли наши предки. Были они просто винтиками в механизме под названием жизнь, и ведь прожили свою жизнь, пробрались сквозь годы, выжили и нас родили.

Ясно, сейчас в один семейный склеп всех не собрать, да и суть не в этом. Просто, мне думается, надо знать свои корни, помнить о них. Мы в вечном долгу перед своими предками. И не важно, каких ты кровей, из дворян ли или хлебопёков, не важно. Важно, что ты есть. Ты живёшь. Ты существуешь. Ты помнишь о своих истоках, ты знаешь их, и на этой земле ты сам должен оставить след.

Ты обязан это сделать, ибо ты Человек.

И, как мне кажется, надо с малого начать, поговорить с отцом, дедом, порыться в домашних архивах, уверен, они есть у всех. Надо постараться составить картину своей семьи, её родословную, не важно, как это будет выглядеть, то ли в виде каких-то записей, фотоальбомов, то ли ещё как, важно понять, что ты начал этот огромный, важный и тебе нужный труд. И всегда

надо помнить: после тебя будут твои потомки. Это им ты рассказываешь о себе, о семье, её истории. Это их ты приглашаешь в великую тайну своих «огоньков».

Закончил своё повествование отец очень просто: «Всего не расскажешь», – и в этом он был прав. Восемьдесят пять прожитых лет – это огромный пласт, это без малого век!

Последний десяток лет жизни уже давил на него. Болезнь Паркинсона прогрессировала, лекарства нужны были всё сильнее и сильнее. Слабело сердечко. Но он жил и боролся, сколько мог. Сам себе определял этапы жизни. Для него это были как барьеры для спортсмена. Вот ещё один, ну, ещё маленько, ну, ещё чуток, и взята цель. Идём дальше.

Помню, как отец готовился к восьмидесятилетию. Он преобразился, глаза блеснули, это был действительно боец. Готовился он взять и следующий этап – семидесятилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне и шестидесятилетие Парада Победы.

Но человек не всемогущ, он предполагает, и только Бог располагает.

Отец был человеком разностороннего таланта. Он прекрасно рисовал, карандаш в его руках творил чудеса. Уже после завершения военной карьеры он увлёкся резьбой по дереву. И причем не просто увлёкся, он стал профессионально изучать эту проблему. В нашем архиве сохранились книги, брошюры, вырезки из газет и журналов по резьбе и обработке дерева. И, самое главное, сохранились его поделки, это и различные вырезанные из дерева фигурки, досточки с инкрустациями, и даже обложки книг он вырезал из дерева. Увлёкся и переплётными работами. Есть у меня масса переплётных его руками журналов и некогда ветхих книг.

Владимир Алексеевич всю свою жизнь писал стихи. Нет, он не стремился стать профессиональным поэтом. У него просто душа творила рифму, а это порой интереснее и полезнее добротного, по науке сделанного стиха. Писал он посвящения юбилярам, шуточные четверостишья, серьезно он к этому занятию не относился, это была как бы отдушина, попытка творческого самодовольствия, в конце концов, это было лекарство, лекарство от хандры, от одиночества, от старости.

Морщины, морщины, морщины,
Стареешь ты, брат, по часам,
Как будто списали с картины,
Где на крест вмещают Христа.

Морщины, морщины, морщины —
Свидетельство прожитых лет.
Морщины, морщины, морщины,
Жизнь прожита, радости нет.

В его блокноте рядом с этим простеньким стишком несколько раз большими буквами написано: «ОДИНОЧЕСТВО, ОДИНОЧЕСТВО...».

Вот чем он болел и от чего страдал.

В последнюю с ним встречу он рассказывал мне: «Постоянно ловлю себя на том, что меня навязчиво и ежечасно одолевают мысли. До боли, до гула в ушах. Мысли, мысли... Какие? Самые разные: прошлое, дом, семья, дети, жена, друзья и прочее. Думы эти лезут и лезут, жгут мозг.

Конечно, человек не может не думать. Это заложено в его генетике. Но чтобы так навязчиво... Кажется, что и во сне мысли одолевают. Раньше это сновидениями называлось. А сейчас...

Мысли, мысли, думы, лезут и лезут. Закроешь глаза, вот они, откроешь, тоже они. Как чёртики у пьяного, лезут и лезут.

И пересказать их невозможно. Вроде бы есть какая-то перед лицом картинка, а прежнюю уже не помнишь.

С ума можно сойти.

Я стал замечать, что в ответ на эти думы стал разговаривать с собой, сначала мысленно, про себя, конструируя какую-то фразу, блок фраз, а затем и вслух. И это поразило меня. Как так, я ведь ежедневно общаюсь с родными, здороваюсь и общаюсь с соседями, что это, потребность организма такая? Видел тех, кто говорит с собой, и не раз видел. Это отрешённые от всего люди, они как глухие, чем-то ослеплённые, идут и бормочут. Детям смешно, а взрослым страшновато. Со стороны это выглядит жутко. Идет человек и бормочет, и не знаешь, что у него на уме. Жуть».

Он понимал прекрасно, что диагноз прост: «трясучка» и старость. Но как с этим мириться?

И вновь мысли, мысли, воспоминания, самооценки, сомнения, тревоги.

Как прожил жизнь, известно мне и Богу,
Старался честным быть, хотя б перед собой.
Теперь судьба сыграла мне тревогу:
Давай, солдат, пора и на покой.

Моя последняя весна,
Пожалуй, наступила.
Вот так, нисколько не таясь,
К земле всей силой придавила...

Прощай, мой дом, моя обитель,
Последнее пристанище моё.
Душа уйдёт на небо, стану небожитель,
А прах сравняется с землей и порастёт травой...

Он ушёл из жизни 29 января 2010 года. Это был год его восьмидесятипятилетия.

Предчувствуя кончину, распорядился о похоронах. Просил похоронить скромно, обязательно с орденскими планками и партийным билетом.

Последними в завещании были его строки: «Не забывайте обо мне, я любил вас...»

Махнёв Александр

Памятное

Широкая пойма реки Берди, реки моего детства, вся в порослях черёмухи, калины, чёрной смородины, ивняка. Деревья и кустарники причудливо переплетаются, создавая своеобразные джунгли. В жаркую пору в них темно и душно. Здесь идёт своя жизнь. Такие лесные образования у нас назывались сограми¹. Некоторые из них имели даже свои названия, например «Горелая согра», «Иванова согра» и т. п.

Мы, ребяташки, в одиночку боялись ходить в согры, о них в народе бытовало много разных легенд, в том числе и страшных. Собирались ватагами, человек по пять-шесть, с вёдрами и корзинками и направлялись в согры за черёмухой, смородиной или калиной.

Бывало, зайдёшь в тёмные поросли, вверху деревья закрывают небо, внизу высокая трава и кустарник, через который пробираешься с большим трудом. Возникает одно желание – быстрее вырваться на свет, на свежий воздух. И вдруг перед тобой поляна. Первозданная изумрудная зелень в солнечном освещении, а по ней разбросаны целыми букетами цветы. Среди них особенно выделялись ярко-оранжевые цветы, их у нас называли огоньками. А ещё звали их жарками².

То и другое название соответствовали этому красивому цветку. Он притягивал к себе, манил издали, казался пришельцем из иного мира. Кстати, букеты из огоньков в летнее время украшали наши бедняцкие жилища.

А вот построили Новосибирскую ГЭС, «Обское море» затопило пойму реки Бердь, с ней и прибрежные леса. Исчезли таинственные согры, прекрасные зелёные поляны с рассыпанными на них огоньками. Жалко и грустно...

Когда оглядываешься на прожитую жизнь, лучик памяти выхватывает из неё отдельные фрагменты, чем-то особо запомнившиеся, оставившие свой след, свою зазубринку. И вот что-то яркое из твоей жизни мелькнёт, как огонёк на той поляне детства, взбудоражит тебя и погаснет.

С какого возраста человек помнит себя? Наверно, у всех это получается по-разному. Моя память с великим трудом дошла примерно до шести лет, она сохранила отдельные отрывки, фрагменты, одни яркие, другие туманные и расплывчатые, из самого глубокого детства.

Отсчёт могу вести с одного хорошо запомнившегося мне эпизода. Мы с отцом лежим в постели. Матери дома нет. Я спрашиваю у отца: «Где мама?» Он отвечает: «Мама пошла на базар, чтобы купить тебе братика». Речь шла о моём брате Сергее, который родился 15 февраля 1931 года. Значит, разговор с отцом происходил в это время. Мне было тогда пять лет и семь месяцев.

Жили мы тогда на станции Карымская Забайкальской железной дороги. Нашим жилищем была землянка с маленькими подслеповатыми оконцами, с крышей, которая одновременно служила и потолком, с большой печкой из кирпича, сложенной в ближнем левом углу.

А вот ещё фрагмент. Тёплая летняя ночь. Более суток идёт дождь. Тревожным голосом мать поднимает нас с постели. Землянка до высоты кровати затоплена водой. Мать с маленьким Серёжкой на руках, я и ещё братик Миша, которому тогда было четыре, выбираемся на улицу. Везде вода, она заметно прибывает. Страшно, темень, вода. На улице движение, голоса людей, тревожное мычание коров, лай собак. Рядом недостроенный дом, мы скрываемся в нём, жмёмся вокруг матери. Нам тепло, хочется спать.

¹ Согра – угнетённый лес (сосна, береза, ольха с примесью кустарника) на заболоченной кочковатой местности в поймах рек или на плоских водоразделах в европейской части Российской Федерации и в Сибири.

² Травянистое многолетнее растение рода купальница семейства лютиковые (*Ranunculaceae*). В простонародье иногда называют жарками.

К утру дождь перестал. Вода быстро пошла на убыль. Ночные тревоги позади, мы весело бегаем по тёплым лужам босиком.

И лишь где-то в начале тридцатых годов, мне было лет семь, рядом с землянкой отец отстроил из отслуживших своё железнодорожных шпал дом с двумя комнатками и кухней, с широким двойным окном, отец почему-то его называл «итальянским», окно выходило на главную улицу посёлка, Сталинскую. Этот малюсенький по сегодняшним меркам домик по сравнению с землянкой казался дворцом. Я помню хорошо этот новый дом, дом нашей большой семьи.

Землянку родители продали таким же беднякам, как и мы, хорошо помню их фамилию, Чухломины. По всей видимости, они были переселенцами из Украины, ибо их называли хохлами.

У Чухломиных была дочь, Тамара, может быть, на год старше меня. Мы с ней дружили, играли во дворе. Одно лето пасли телят за околицей. Однажды, когда мы были в поле, Тамара достала из сумки с продуктами пачку папирос и спички и предложила мне закурить. Папиросы она утащила у отца.

Я беру папиросу и героически закурываю. Хотя и мал был, однако мужское самолюбие уже имел. Не помню сейчас, сколько выкурил папирос. Конечно, курил не затягиваясь. А вот как меня тошнило, как у меня выворачивались внутренности, запомнил на всю жизнь. Видимо, по этой причине я долгое время до службы в армии не курил, хотя возможности пристраститься к курению были. Многие мои сверстники курили вовсю. Тогда мне было лет семь.

Яркий огонёк в моей памяти – поступление в первый класс, это было в сентябре 1933 года. Кстати, когда мы с Еленой Ивановной провожали младшую дочь сына, нашу внучку Леночку в первый класс, ей было шесть лет. Совсем малышка. Я же поступил в школу, имея за плечами восемь лет. Чувствуете разницу?

День, когда я шёл на первое занятие, а шёл я совсем самостоятельно, без папы и мамы, – очень памятный день. И не столько оттого, что это было начало моей учёбы, а больше потому, что я впервые одел длинные штаны. Это было подлинное произведение искусства: штаны из чёртовой кожи, с большим, правда, единственным карманом с правой стороны. До сего дня я бегал в коротких штанишках с ляжкой через плечо и без карманов. И вдруг настоящий глубокий карман. Как у взрослых. Не важно, что только один. На мне была надета новая бумазейная рубашка с матерчатым поясом.

Не помню, что я нёс в руках – книжки ли, тетради ли, но вот то, что я, выйдя со двора, засунул правую руку в карман и не вынимал её до самой школы, это помню хорошо. Как же, я ведь теперь взрослый человек, и штаны у меня как у мужчин. Я был горд этим.

Вспоминаю ещё один случай, произошедший тогда же, осенью 1933 года.

Время было голодное, питались чем придётся, основной рацион – это картошка и домашний хлеб, мать выпекала с разными примесями, муки маловато в этих буханках было.

Так вот, шёл я в школу и в окне одного дома увидел человека в военной форме, который отрезал от буханки большой ломоть белого хлеба. Буханка показалась мне ярко-белой и очень вкусной, я буквально ощущал её вкус. Остановившись, я как заворожённый уставился в окно. А человек густо намазал ломоть сливочным маслом и стал с аппетитом есть. Он не обращал на меня внимания, а может быть, и не видел сквозь окно, не знаю.

Сколько продолжалась эта сцена, не могу сказать. Очнувшись, я почувствовал себя не просто неудобно, мне вдруг стало очень стыдно, как будто я совершил нехороший поступок. Я оглянулся вокруг, не смотрят ли на меня люди, и пустился бегом по улице.

Вот ведь, сколько лет прошло, а память до мельчайших подробностей воспроизводит этот эпизод. Мне вновь становится как-то неудобно, неудобно, возникает искренняя жалость к тому мальчишке из далекого 1933 года.

Не могу точно вспомнить год, или 1932, или 1933. Было лето, тёплый солнечный день. Мы, малыши, играли во дворе. Бегали босиком, что-то строили во дворе из песка. Игрушек у нас не было. Я вспомнил, что в сарайчике для скота среди разных ненужных вещей на глаза мне попались две иконы.

Широкие деревянные рамки, скреплённые снизу фанерным дном, образовали ящик, в нем располагалась литография с изображением Боженьки в красивом окладе из блестящей фольги.

К Боженьке у меня уважения не было, я вообще его не знал, я позднее об этом расскажу. И ведь в тот момент передо мной лежала не икона, нет, это был просто очень удобный ящичек, и с ним можно было играть. Я вырвал из деревянной рамки бумажное содержимое, к ящичку подвязал верёвку, наполнил его песком и потащил по двору. Мать и увидела эту картину. Теперь-то я понимаю, какой грех я совершил тогда. Понимаю и мать. Она дико закричала, схватила попавшую ей в руку верёвку и начала меня стегать.

Уж потом я узнал, что отец выбросил из дома свою и мамину иконы. А до конца двадцатых годов в нашем доме, как и подобает всем верующим православным людям, висели иконы. У отца была своя, у матери своя, и они дружно уживались в одном красном углу. В начале тридцатых отец вынес иконы в сараюшку, были причины для того, расскажу позднее, и мать их там припрятала. И вот они попали мне, несмышлёнышу, на глаза. Ну а дальше – дальше опухшее ухо и отметина на заднице.

Вот такое у меня было первое знакомство с Боженькой, прямо скажу, не очень приятное, но зато запомнившееся на всю жизнь.

Но я бы не хотел, чтобы вы подумали, дескать, тьма была у вас и безнадёга абсолютная. По нынешним временам, может быть, и да. Но человек – это такое живучее существо, что всегда найдёт причину для радости. Во всём может быть, а я убедился – и должен быть, позитив.

Тридцатые годы. Посёлок на станции Бердск небольшой, дворов около сотни. Ещё не было радио и электричества. Раз в месяц приезжал киношник и от динамо-машины, которую по очереди крутили мальчишки, показывал немые фильмы. Это не телек, который сейчас уж всем надоел, нет. После просмотра кино рассказов и эмоций хватало, особенно нам, малышам, до следующего приезда «автокино».

По праздникам жители собирались по своим компаниям, выпивали, пели песни, иногда даже доходило до пьяных потасовок. Молодёжь летними вечерами собиралась на вечёрки, кто-нибудь играл на гармошке или балалайке, ребята и девчата танцевали и плясали, пели песни и частушки, а потом расходились по закоулкам, любилились.

В летнее время чуть ли не ритуальным развлечением был выход к вечернему скорому поезду, следующему по маршруту Новосибирск – Ташкент. На вокзале собирались молодые и старые и, конечно, ребяташки. Приходили к поезду за полчаса до его прихода, встречались, степенно раскланивались, обменивались новостями. Многие женщины, в том числе и моя мать, приносили на продажу молоко, ягоды, овощи. Для нас это было определённым подспорьем в жизни.

Часов в семь вечера приходил поезд. Из вагонов вываливалась шумная и разноголосая толпа. Одни спешили в станционный буфет, другие запасались разной снедью на базарчике, большинство же чинно прогуливались парами, группками по перрону, оживлённо беседуя. В окно вагона-ресторана выставлялся патефон с большим репродуктором, и звучали музыка и песни. Для нас это было необычно. Этот десяток минут стоянки поезда давал возможность побывать в другом мире, в мире наших мечтаний.

Значительно позже, повзрослев и повидав мир, я понял, что встречи со скорым поездом с его красивыми вагонами и музыкой были отдушиной в нашей тяжёлой жизни, возможностью хоть чуть-чуть, хоть одним глазком заглянуть в иной, далёкий от нас и такой красивый мир. Так же как и в послевоенные годы, когда мы смотрели заграничные фильмы вроде «Большого

вальса», погружаясь на полтора-два часа в мир иллюзий, красивой и сказочной жизни и забывая о нашей трудной повседневности. Не знаю, удачно ли сравнение, но похоже на несбывшуюся мечту известного героя Остапа Бендера о Рио-де-Жанейро.

Наш род, фамилия, наша семья

Откуда³ пошла фамилия Махнёв, доподлинно неизвестно. Может быть, от какого-нибудь Михея-Михни, получившего прозвище Махня за то, что тянуло его махнуть куда-нибудь подальше, на край земли. Или писарь по ошибке записал Михневых детей Махнёвыми...

Разные есть варианты, обо всех и не расскажешь.

А вот упоминание фамилии Махнёв есть, и ещё с середины семнадцатого века. Объезжая в 1615 году с дозором вятскую землю, воевода князь Фёдор Звенигородский углядел вновь возникшие починки и записал их в дозорную книгу. «В Чепецком стане Хлыновского уезда: починок на Поджерновном смежно с Кокорою Мусихиным. Во дворе Гурка Махнёв. Пашни доброй земли четверть с пол-осминою в поле, а в дву по тому ж (то есть ещё по столько же в двух других полях). Лесу пашенного полтрети десятины (примерно одна шестая часть гектара). А в нём (в живущем) полчети выти». От Гурьяна Махнёва и идёт род Махнёвых на вятской земле.

Может, и так, а может, и нет. К сожалению, за что и казню себя, не узнал вовремя наши родовые корни от отца. Всё, как я и говорил выше, недосуг, потом, потом, а надо ли. А вот теперь хоть локти кусай, поздно.

Так что с фамилией понятно, отсчёт будем вести от сентября 1884 года, когда 15 числа на свет появился мой отец Алексей Махнёв. О его родных ничего не знаю. Разве что имя моего деда – Гаврила.

С родиной нашей семьи чуть проще. Это место в разные периоды называли Вятка, Хлынов, Киров. Ссылные места девятнадцатого века, один из центров великого эксперимента Столыпина⁴ с массовым исходом крестьян с насиженных земель.

История свидетельствует, что только за 1906–1914 годы в Сибирь переселилось из Вятской губернии сто двадцать семь тысяч человек. И если бы были списки убывших из вятских краёв крестьян, там точно встретилась бы наша фамилия.

Отцу досталась тяжёлая доля. В поисках лучшей жизни он в молодые годы, это был год 1910, объехал весь Дальний Восток, Забайкалье, Западную Сибирь. Работал грузчиком, рабочим на строительстве железной дороги. Женился, появились дети, а хорошей жизни не было. С началом Первой мировой войны был призван на фронт, в одном из боёв попал в плен к немцам. Тяжёлая изнурительная работа на немецких шахтах, избиения и издевательства – через всё это прошел отец до освобождения из плена и встречи с семьёй в двадцатых годах. Потом опять скитания, уже без семьи, в то время в Забайкалье шла гражданская война. Лишь в 1921 году он встретился в читинских краях с семьёй. Осел в Бердске под Новосибирском в 1933 году.

Матушка моя, Марина Тимофеевна, тоже вятская, на шесть лет моложе отца. Образования не получила и всю свою жизнь посвятила детишкам. Всего их, вместе с умершими при родах близняшками, было восемь. Разница между нами, детьми, огромная. Когда Клавдии, это старшая дочь, был двадцать один год, родился самый наш младший и любимый братишка Сергей.

Мы, Махнёвы, долгожители, все в нашем роду, кроме погибшего Серёжки, жили и живём более восьмидесяти лет, а Клавдия Алексеевна прожила более девяноста пяти лет.

Кроме брата Петра и меня, вся родня с 1933 года жила и проживает сейчас в Бердске. Семья сейчас значительно пополнилась выходцами из следующего после нас поколения, многочисленными внуками и правнуками. Практически все так и живут на Сибирской земле.

³ Тужинская газета «Родной край». Е. Вершинин, «Деревне Махни – 200 лет». 26.08.2011 г.

⁴ Пётр Аркадьевич Столыпин – государственный деятель Российской империи. В разные годы занимал посты уездного предводителя дворянства в Ковно, гродненского и саратовского губернатора, министра внутренних дел, премьер-министра.

Когда живы были мои родители, то я практически каждый отпуск приезжал к ним. Иногда один, иногда с Еленой Ивановной.

Я обратил внимание на такой интересный факт. Как только приезжаешь в родное гнездо, то сразу как бы попадаешь под крылышки родителей и совершенно забываешь о своих делах, заботах, проблемах. Всё это остаётся там, за порогом родного дома. Отдаёшь себя в распоряжение родителей и, как в детстве, полностью полагаешься на них. Тебя охватывает успокоение, благодать.

Так было всегда, когда я приезжал в родной дом. Семья мгновенно собиралась вместе. И разговоры, бесконечные разговоры, что да как, как да где. А уж вечером, святое дело, большое домашнее застолье и песни. Любили их в нашем доме и знали, особенно сибирские и забайкальские. Пели песни всегда, и во время нечастых застолий по случаю праздников или приезда каких-нибудь гостей, пели песни во время коллективных работ или на вечерках, когда собирались люди своего круга, родные и близкие или просто хорошие знакомые.

Наряду с народными песнями пользовались любовью песни революции и Гражданской войны, комсомольские, красноармейские и другие.

Вспоминаю мать. Она знала и подпевала в общем хоре многие песни. Голос её не был громким, она как бы стеснялась своего пения.

Однажды она что-то шила вручную и, увлекшись шитьём, тихонечко запела. Пела она про цыганку, которая гадала плачущей деве. Песня была очень печальной. Она затронула мою детскую душу и осталась в памяти на всю жизнь. Причём вот именно в таком сочетании: мама и эта песня. Если я сегодня вдруг услышу песню «Цыганка гадала...», то сразу вспоминаю мать.

Отец знал многие русские песни и активно пел во время застолий. Но мне он запомнился по русской песне «Не осенний мелкий дождик брызжет сквозь туман». Для меня это как бы отцовская музыкальная визитка.

Сестра Клавдия Алексеевна, комсомолка двадцатых годов, любила песни своей молодости. Когда по радио исполняется песня «Там, вдали, за рекой...», я всегда вспоминаю свою сестрицу. Она очень любила эту песню, любила её и пела.

Покойный братишка любил многие песни, но ему особенно по душе была могучая по звучанию и содержанию русская народная песня «Среди долины ровныя».

Есть и в моей семье своя, так сказать, фирменная песня. Мне она очень нравится, я её часто пою в компаниях. Эту песню хорошо знают мои дети, и при встречах мы её поем семейным хором. Это песня о ямщике «Степь да степь кругом...»

Помню, как мы с сыном летом 1963 года ездили в Бердск. Мы ещё тогда в Германии жили. Рыбалка. Пока мы костёрчик с братьями налаживали, ушницу готовились сварганить, сын на лодке, это на одной из заводов на реке Бердь было, пытался щучку поймать.

Первый раз спиннинг забрасывал, ну, метров на десять, пятнадцать, навыка-то нет. И нас всё пугал:

– Поймал, поймал! Ташу!

Мы посмеивались. А когда действительно на блесну щучка килограммовая села, мы не поверили, думали, шутит опять, а он кричит во всё горло:

– Держу, поймал!

Как её в лодку затащил, неизвестно. Подплывает к берегу, ножки и ручки трясутся от напряжения, в глазах азарт, блеск: «Я ещё поплыву, может, ещё поймаю щуку».

Такие моменты не забываются.

Частенько смотрю старые фотографии. Напоминают они о многом. Июль 1977 года. Отпуск. Снова рыбалка, теперь уже на Обском море. Лена, братья Михаил с женой, Иван Алексеевич. На острове необитаемом. Вот я переодет под Робинзона. А вот и уха, настоящая сибирская уха. Запах аж сейчас чую.

Я на свадьбе у племянника Алёши. Это тоже лето 1977 года. Молодёжь вокруг. Ну, я ещё ничего. Не старый еще. Красавец.

Честно говоря, последнее приятное удовольствие остаётся – это старые фотографии посмотреть. Конечно, общение с сыном и дочерью – главная радость. Но фотоальбомы – это... ностальгия, одним словом. Это возвращение туда, где уж никогда не будешь, нет такой машины, не придумали ещё.

Редет семья наша, уходит старое поколение.

В августе 1968 года, получив отпуск, я поехал в Бердск. Ехал в хорошем настроении. Предстояла встреча с родными, беззаботный отдых. Перед поездкой я списался с братом Сергеем, он обещал мне отдых на природе и рыбалку на разлившейся, как море, Берди.

В понедельник, одиннадцатого августа утренним поездом я приехал в Бердск. Наш дом стоял метрах в ста от вокзала. Ещё издали я увидел на крылечке мать и жену брата Михаила Клаву. Навстречу мне из калитки выбежала племянница Наташа, ей тогда было восемь лет. Я рад встрече, улыбаюсь, обнимаю Наташку, а она шепчет: «Дядя Володя, дядя Серёжа вчера утонул». До меня эти слова дошли не сразу. Я остановился посреди улицы, поставил чемодан, переспросил Наташу и, поняв всю трагедию случившегося, побежал во двор к матери.

Да, произошло несчастье. Накануне, в воскресенье, Сергей на своей моторной лодке плавал по Берди, была большая волна, мотор заглох. Пытаясь его завести, Серёжа упал в воду и уже не смог выбраться. Находившийся в другой лодке его товарищ струсил и даже не пытался спасти Сергея, ушёл с места происшествия.

Три последующих дня вместе с родными и друзьями Сергея я занимался поисками, многократно бороздил реку вдоль и поперёк, всё было бесполезно. На третьи сутки труп Сергея всплыл в двухстах метрах от того места, где он затонул.

Потом похороны. Сергей работал на Бердском радиоузле мастером в деревообрабатывающем цехе, пользовался авторитетом в коллективе. Когда процессия проходила мимо завода, то все, кто в это время работал, вышли проститься с Сергеем.

Трагический случай оборвал жизнь полного сил, тридцатисемилетнего моего младшего брата. В нашей семье он был самый младший, последыш. На его долю досталось трудное военное и послевоенное детство и юность. Он отслужил в армии, окончил ПТУ, работал. Остались без отца двое малых сыновей, овдовела его жена.

А что может быть печальнее, больнее того, что старая мать похоронила своего младшего сына?

С Серёжей у меня была наиболее близкая и тёплая связь. Я его нянчил и до школы шествовал над ним как старший брат. Наше босоное детство прошло вместе.

Похоронив брата, я пожил с матерью две недели, стараясь как-то отвлечь её от горя, облегчить её душу.

Редет семья наша, уходит старое поколение.

И ещё об одной встрече хочу рассказать. В сентябре 1974 года, получив отпуск, я полетел самолётом в Бердск, чтобы навестить и повидать сестру и братьев.

Отпускное время летело быстро. Ежедневные хождения в гости и приёмы гостей, встречи с родными и близкими, кое-какая работа по дому – всё это занимало меня с утра до вечера. Вместе с тем я старался больше внимания уделить матери. Ей шёл тогда восемьдесят пятый год, выглядела она в соответствии со своим возрастом и была бодра и подвижна. Как-то мы с ней пошли к Михаилу, моему младшему брату. У Миши свой дом, разные пристройки и баня. Отличная русская баня. К нашему приходу она была натоплена. На первый пар пошли я и мой племянник Саша. Вслед за нами захотелось попариться и мамке. Ей помогали внучки, и она в последний раз в своей жизни отвела душу. Она любила париться.

После бани состоялся, как говорят в прессе, официальный ужин. Были и речи, и тосты вместе с хорошей закуской и соответствующим возлиянием. Конечно, для нас, более молодых,

не для мамы. Но и она выпила рюмочку, хорошо закусила. Поздно вечером мы с ней вернулись домой.

Настал день расставания. Мне надо было улетать домой. Уезжал из Бердска рано утром пригородным поездом до Новосибирска. Как всегда, пришли меня проводить сестра Клавдия, брат Иван, племянница Галина и другие. И вот последний момент прощания. Его я запомнил до конца своих дней. Мы обнялись с мамой. Я плакал, а она, более сдержанная, успокаивала меня. Я пошёл к выходу, оглянулся и увидел её взгляд, в нём была глубокая печаль, отрешённость от мира сего. Я почувствовал, что это последняя моя встреча с мамой.

А дальше вышло так. В октябре приехал в гости к маме мой брат Пётр Алексеевич, он жил в Забайкалье. После его отъезда мать заболела и, пролежав дома около месяца, скончалась 29 декабря 1974 года.

Я прилетел самолётом, чтобы проводить маму в последний путь. Захоронили её в предновогодний день, в суровую сибирскую зимнюю пору.

После поминок я остался в полуостывшей избе и ночевал на кровати, на которой лежала мать.

Так состоялась моя последняя встреча с матерью.

В августе 1998-го умер брат Пётр. В Аге он жил, это в Читинской области. Восемьдесят шесть лет прожил на свете. Мало мы о нём знали. Войну всю прошёл, трудился, и вот не стало его. После его смерти военком письмо прислал и такие в нём тёплые слова о брате нашем нашёл, читать без слёз невозможно. А вот виделись и общались редко, к сожалению.

Восемьдесят три года прожил брат Иван, серьёзный, обстоятельный человек, только добрым словом могу помянуть.

Думал, до ста дотянет Клавдия, сестрёнка моя старшая, бодра была до последних дней, в девяносто пять вполне с домом справлялась, ослепла, но бодра была, вот и её не стало.

Умерли родители, не стало родного дома, осталась только добрая память о том, что было.

Жив братец мой Миша, жив, курилка. И с домом справляется, и многочисленную родню в доме собирает. Глухонемой он, и жена его, Клавдия, тоже глухонемая. Казалось бы, как детей воспитать, трудно ведь, как им учиться, в жизни пробиваться без помощи родителей, а ведь подняли детей. Дети у них замечательные люди. Теперь младшее поколение о стариках заботится, так и должно быть.

Старшим Михаил Алексеевич теперь в нашем родовом бердском гнёздышке, весь спрос за род теперь с него.

Война

Хорошо помню июньское лето 1941 года. 22 июня, в воскресенье, мать утренним пригородным поездом (он у нас назывался «передачей») по каким-то хозяйственным делам поехала в Новосибирск. День был жаркий. Я не помню, чем занимался в этот день, видимо, кроме встреч с друзьями помогал отцу по хозяйству. Вечером пошёл на вокзал встретить маму. От неё и узнал, что на нас напали немцы. Радио у нас ещё не было, газеты приходили с опозданием на день. Вот так к исходу дня мы узнали о начале войны.

Почему я запомнил это лето? Дело в том, что уже к концу месяца наша маленькая станция оказалась в центре формирования частей. Ежедневно через неё на фронт отправлялись эшелоны. Формировались эшелоны и на станции. Без нас такие дела не проходили, мы с пацанами пропадали в эти дни на станции. Все события первых дней войны проходили через наши сердца. Ни одного среди нас не было, кто бы не мечтал убежать на фронт, кстати, кое-кто и бегал. Может, и я бы убежал, мне тогда почти шестнадцать лет было. Но надо было учиться, помогать матери возиться с младшими братьями. Отец пропал на службе, на железную дорогу выпала в тот период колоссальная нагрузка, и он был в этих жерновах практически всю войну. На фронт он не попал по инвалидности и возрасту.

Через какое-то время появились первые похоронки, раненые и инвалиды с фронта. Это было страшно. За эти два месяца начала войны мы значительно повзрослели.

В годы учёбы в восьмом и девятом классах, это были 1941–1943 годы, я жил в пришкольном интернате. В школе в этот период появилось много новых учеников. Это были дети, эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Киева и других районов страны, оказавшихся в зоне боевых действий. В интернате поселились даже детишки из московского ансамбля песни и пляски железнодорожников под управлением С.О. Дунаевского.

В моём архиве лежит рисунок, это мой портрет, а на другой стороне этого листка ватмана моё письмо домой. Это не просто листок, это памятное для меня и родителей событие того времени. И вот что рассказывает эта пожелтевшая бумажка.

Окончив 9 классов в Инской, я уже не думал поступать в 10 класс. В самом разгаре была война, возраст подходил к призывному. Лето 1942 года, как и предыдущего, я работал в Доме офицеров Бердской авиашколы. В семье решили, что буду работать до призыва в армию. Прошли сентябрь, октябрь, как полагается, шёл учебный год в школах.

В конце октября в Бердске появились два парня в необычной военной форме: в командирских фуражках с чёрными околышками, в кителях со стоячими воротниками и в тёмно-синих брюках навыпуск, с красным кантом. Это приехали представители Десятой ленинградской специальной артиллерийской школы, находившейся в эвакуации в селе Кузедеево Кемеровской области. Их послали за пополнением для школы. Агитация этих ребят, красивая форма, желание учиться и быстрее попасть в армию – всё это в один момент перевернуло мою жизнь. Через несколько дней я уже был в Кузедеево в артшколе.

С одной стороны, это была обычная средняя школа, те же предметы и та же программа, с другой, значительное количество времени выделялось на военную подготовку, причём с артиллерийским уклоном.

Был директор школы, гражданский человек, и был комиссар, кадровый военный, все учителя – люди гражданские. По военной организации школа была дивизионом трёхбатарейного состава. Первая батарея – 10 класс, вторая – 9 класс, третья – 8 класс. Командирами взводов были учителя – классные руководители. Штатных военных было человек шесть. Это комиссар, командир дивизиона, командиры батарей. Все они были не годны к строевой службе по разным причинам. Например, комбат лейтенант Соломонов. В первых боях на фронте он был тяжело ранен, остался без правой руки. Дивизионом командовал подполковник Стренковский, офицер

с дореволюционным стажем, ему было за шестьдесят. Между прочим, первые понятия о военной чести, порядочности и дисциплинированности мы получили именно от Стренковского.

Основу школьного контингента составляли ленинградские ребята, пережившие блокаду, истощённые, измученные, не по возрасту взрослые, с навсегда застывшей печалью в глазах. Вместе с тем это были прекрасные товарищи. В подразделениях школы главенствовали законы дружбы, порядочности, честности, коллективизма. Ничего общего с такими понятиями, как дедовщина, издевательство и т. п., о чём в девяностые писали и говорили и что в действительности имеет место в школах, ПТУ, армии, в нашей школе не было.

Так вот, вернусь к портрету с письмом. Фотографии в Кузедеево не было, а так хотелось послать домой фото в военной форме. В нашей батарее был ленинградский паренёк Гриша Екельчик, обладавший незаурядными способностями в рисовании. Я долго просил его сделать с меня набросок. Гриша наконец согласился и сделал действительно только набросок, остальное я сам дорисовывал. Письмо было обычное, но в нём есть такая строчка: «Да, теперь-то, наверное, долго не увидимся, так как после этой школы пойдём в училище, потом армия и прочее...» Последнее слово, «прочее», звучало многозначительно, ведь был январь 1943 года, война находилась на самом пике, кто знал, что нас ждало впереди. Вот и отсылал я родителям и младшим братьям свой портрет на память.

Отец повесил рисунок на стену, и он так и провисел до конца войны и первые послевоенные годы, потом попал в отцов архив, затем уж ко мне.

Бумага пожелтела, на ней оставили следы мухи, рисунок выцвел, а вот память о том времени он оставил.

Вообще об этом периоде у меня самые яркие и добрые впечатления. Мы учились, служили, овладевали военной наукой, мы были уверены, что не за горами наше время, и мы поедём на фронт. Мы жили одним – мыслями о фронте. Только бы успеть. Память вновь, как лучик света, вырывает фрагмент того времени. Холодно и голодно, нет электрического света. Мы, десяток спецшкольников, расположившись кружком у топящейся печки, негромким стройным хором поём недавно пришедшую в нашу сибирскую глушь песню «Бьётся в тёмной печурке огонь».

Так и запомнил я – сгрудившиеся в полумраке у печурки ребята, будущие солдаты, отблеск огня на их лицах и трогающая за душу песня, соответствующая тому нашему настроению.

Март 1944-го. Я курсант Днепропетровского артиллерийского училища. Училище находилось в эвакуации в Томске.

Видимо, от постоянного холода и недоедания я заболел фурункулёзом и был направлен в гарнизонный госпиталь. Пролежав неделю, я поправился и в числе выздоравливающих уже направлялся на различные работы при госпитале.

И вот однажды дежурная сестра говорит, что ко мне приехала мать и ждёт встречи со мной.

Вот сейчас вспоминаю те далёкие дни и думаю: сколько же бюрократических преград воздвигнуто в нашей жизни, глупых и издевательских. Казалось бы, чего проще, коль приехала мать к больному сыну, пустите её, дайте встретиться с ним. Ан нет, не положено!

Но есть добрые люди, и вот старшая сестра, ради встречи с сыном, назначает меня на уборку снега с крыши сарая. Я лезу на сарай с лопатой, а мать стоит внизу на стороне улицы, вот так мы с ней встретились и разговаривали. Правда, на другой день она как-то прорвалась через проходную, и мы с ней встретились на территории госпиталя, но опять-таки на улице. А ведь март в Сибири отнюдь не весенний месяц.

Моя совершенно неграмотная и очень стеснительная мать приехала из Бердска в Томск, разыскала госпиталь, а в нём меня, для того чтобы встретиться, взглянуть на сына, приобод-

рить его. И встреча-то наша была вот такой несуразной и короткой по времени, но след она оставила в моей душе на всю жизнь.

Видимо, в одинаковой мере нам было жалко друг друга, матери меня, мне свою уже тогда старенькую мать.

В этом же 1944 году, кажется, в конце мая, наше училище готовилось к возвращению в недавно освобождённый Днепропетровск. Эта новость немедленно стала достоянием всех курсантов. Я сообразил, что при переезде из Томска на запад мы обязательно будем проезжать через Новосибирск, а это в тридцати восьми километрах от моего дома. На всякий случай, без полной уверенности во встрече, я дал своим родителям телеграмму.

И вот мы в Новосибирске. Эшелон остановился на многопутной товарной станции, вдали от пассажирского вокзала, в окружении десятков сформированных и просто разрозненных вагонов с какими-то грузами. Трудно было рассчитывать, что в таком столпотворении можно разыскать наш эшелон и тем более меня в нём.

Однако чудо произошло. Вышел я с товарищами из вагона и отправился вдоль эшелона. Вдруг вижу около какой-то служебной будки сидящих мать и отца. Оказалось, что они уже двое суток ждут здесь меня и уже потеряли всякую надежду на встречу. Но встреча состоялась, к нашей общей радости.

Был май 1944 года, в самом разгаре полыхала война. Я с училищем уезжал на запад, ближе к войне, и никто не знал, что ожидало меня там, впереди. Каждый из нас думал, что это последняя наша встреча.

До сего дня я с глубочайшей любовью и благодарностью вспоминаю эту встречу, моих дорогих родителей, их прощальные взгляды, их печаль и грусть расставания и какую-то беспомощность и безнадёжность в глазах.

Как можно это забыть?

Между прочим, об интересном случае рассказал мне брат Иван Алексеевич. В 1945 году он работал паровозным машинистом на станции Синарская Свердловской железной дороги.

Однажды, находясь в очередной поездке, его состав ненадолго застрял на какой-то маленькой станции. Подошёл воинский эшелон. В нём ехали демобилизованные фронтовики. Иван Алексеевич спустился из паровозной будки и направился вдоль эшелона, в каждом вагоне спрашивал, нет ли Махнёва Петра Алексеевича. И надо же было так случиться, что в одном ответили – да, есть здесь старшина Махнёв Пётр, и стали его звать. В дверях теплушки появился Пётр, недоумённо спрашивая, кому он нужен. Недоумение сменилось радостью. Братья обнялись и расцеловались.

Всю войну прошёл Пётр Алексеевич старшиной, остался жив и здоров.

Времени для разговоров у братьев было мало, эшелон уходил на восток, и Иван Алексеевич вслед за ним должен был вести свой эшелон. В нарушение всех правил Ваня поручил вести поезд своему помощнику, а сам сел в теплушку к брату и километров двести проехал с ним. Наговорились от души, да и водки выпили не одну рюмку.

Вот такой, прямо скажем, невероятный случай произошёл в жизни двух братьев.

Июнь 1944 года. Эшелон с курсантами Днепропетровского училища артиллеристов медленно пробирается по Транссибирской магистрали на запад. Училище переезжает из Томска в недавно освобождённый от немцев Днепропетровск.

Где-то по пути многочасовая остановка на узловой станции. Предстоит горячий обед на местном продпункте. Для нас, курсантов, это приятное событие: и есть хочется, и надо бы размяться и отвлечься от надоевшей теплушки.

Столовая – огромное помещение, в котором за один присест разместился весь наш эшелон. В центре зала на помосте играет духовой оркестр нашего училища. И вдруг приятный мужской голос запел под оркестр ещё неизвестную песню. Это была «Тёмная ночь».

Представьте себе: 1944 год, война в полном разгаре, мы едем в неизвестность – и такая душевная песня. Пел её лейтенант Подгорный, как сейчас помню его, красавец, любимец училища.

Парад Победы

В феврале 1945 года, закончив обучение в училище, я получил назначение в 989-й краснознамённый Печенегский артиллерийский полк РВК. Полк воевал в Заполярье и после перемирия с Финляндией был направлен в Горьковскую область, в Гороховецкий лагерь на переформирование.

Получив первичное офицерское звание младшего лейтенанта, я первое, что сделал, – написал рапорт с просьбой направить на фронт. Но вместо положительного решения получил взбучку и, естественно, отказ. Здорово я тогда переживал. Однако служба есть служба. У взводного было много хлопот, а если учесть, что подчинённые порой по возрасту были старше в два раза, ясно, что трудиться было нелегко. Но бывалые фронтовики относились ко мне по-отечески. Я быстро втянулся в службу.

1 мая 1945 года полк участвовал в параде в Москве. Война шла к концу. Мы занимались подготовкой маршевых батарей для фронта.

Вечером 8 мая я заступил дежурным по офицерской столовой. После окончания ужина и завершения приготовлений к завтраку лёг на скамью и заснул.

Часов в шесть утра прибежал посыльный и срочно вызывает меня к комбату. Оказывается, два часа назад полку объявлена тревога, личный состав погрузился на машины, полковая колонна уже вытянулась на шоссе Горький – Москва. Никто из нас не знал, куда и зачем мы едем, хотя было понятно, что едем по направлению к Москве.

Где-то часов в девять, уже в Подмосковье, от местных жителей мы узнали, что Германия капитулировала. Колонна остановилась, нас окружили женщины, дети, старики. Все радовались, многие плакали.

Вечером полк остановился в подмосковной деревне Шумилове, что на Горьковском шоссе. Здесь в лесу был развёрнут лагерь.

Большинство офицеров на нескольких «студебеккерах» отправились в Москву и там на Красной площади участвовали в исторических торжествах в честь победы советского народа над фашизмом.

Потом мы узнали, что полк был поднят по тревоге и передислоцирован под Москву в соответствии с приказом Сталина о проведении Парада Победы советского народа над фашистской Германией.

Всё время до 24 июня, дня парада, у нас было занято тренировками, получением и приведением в порядок материальной части артиллерии и транспорта.

24 июня ночью мы выехали в Москву, долго колесили по каким-то закоулкам, к утру сосредоточились на Манежной площади. Ночью и весь день моросил мелкий дождь, было прохладно. Мы основательно промокли и промёрзли, однако всеобщее торжество и радость Победы согревали не только наши души, но и тела.

Наш полк прошёл по Красной площади в составе артиллерии Московского гарнизона. Колонна состояла из 122-мм гаубиц и «студебеккеров». На этом параде я ехал переодетый в форму рядового в кузове первой машины, ближайшей к Мавзолею.

За две минуты, что мы проезжали Красную площадь, каждый из нас стремился прежде всего увидеть Сталина, его окружение. Военные, а их было много на трибуне, мелькнули общей голубой полосой. Высший генералитет впервые был обмундирован в мундиры цвета морской волны. Мне показалось, что я видел Сталина, хотя какое там видел, наверно, только показалось, как я ни косил глаза в сторону трибун, за пару минут всё мелькнуло полосой, и Сталин, и его маршалы, и знамёна у Мавзолея. Обидно, но правофланговому нельзя было поворачивать голову. Я сейчас понимаю, самая, казалось бы, счастливая минута моей жизни мелькнула

цветной полоской перед глазами. Жаль. Но чувство гордости за доверие, которое я, мой полк получили, участвуя в Параде Победы, осталось у меня на всю жизнь.

В этот день ещё мне запомнились московские улицы. Несмотря на ненастную погоду, они были заполнены горожанами и военными. Торжество, радость, всеобщее единение, печаль по погибшим – всё это было в людях. И с какой отеческой, материнской и братской любовью относились к нам все окружающие, это описать невозможно, это надо было почувствовать.

Ну а потом была ещё одна война, короткая, но не менее жестокая. Война с Японией.

В ноябре 1945 года полк вновь участвовал в праздничном параде в честь годовщины Октябрьской революции. И вновь, как и в мае, наш 989 ГАП РК был поднят по тревоге и направлен в Белоруссию, в Борисов.

Мне только что исполнилось 20 лет, я был младшим лейтенантом.

Культ личности

Как и все люди моего поколения, я рос, учился и воспитывался в обстановке культа одной личности – «отца народов, великого вождя, кормчего» и т. д. Иосифа Виссарионовича Сталина. Это мы сейчас говорим – культ личности, культ Сталина, а тогда, в тридцатые, сороковые годы, мы не говорили, мы верили Сталину обожествляли его. Так было. И я мог бы привести много примеров из той нашей жизни, свидетельствующих о безудержном возвеличивании и почитании Сталина.

Люди моего поколения в подавляющем своём большинстве верили в социализм и коммунизм. Эта вера шла ещё от Ленина. Сталина мы считали его учеником и продолжателем революционного дела. Все хотели хорошей жизни, ради этого шли на жертвы, подтягивали пояса, работали с огромным энтузиазмом и напряжением. Сейчас кое-кто пытается вместе с критикой и осуждением культа личности Сталина очернить всё то, что сделали в те годы советские люди.

Это абсолютно несправедливо, оскорбительно для людей моего поколения, отдавших свои силы строительству и укреплению Советского государства, его защите от немецких фашистов, японских и других милитаристов.

Уже в годы перестройки мы неоднократно встречались в печати, литературе, на радио, в телепередачах с попытками «развенчать» Павлика Морозова, Алексея Стаханова, Александра Матросова, Олега Кошевого и других. Это просто огульное охаивание, и, как мне кажется, оно направлено на то, чтобы лишить народ прошлого.

Как я лично отношусь к Сталину? Я не оригинален. Вплоть до его смерти в марте 1953 года я и десятки миллионов граждан Союза ССР абсолютно верили ему как действительному вождю партии и государства. В день его кончины миллионы советских людей плакали и горько переживали по поводу смерти вождя. Плакал и я. Все переживания того времени я видел и ощущал лично и понимал: прощаемся с лучшим человеком нашего государства. И это правда так было.

Первое и основательное сомнение в мою веру внёс Двадцатый съезд КПСС. И отношение к Сталину у меня стало двойственным. Что-то ещё было от того Сталина, которого мы обожествляли, но с этим уже не могли ужиться факты, обнародованные на съезде партии. Этот период двойственности длился довольно долго. В брежневско-сусловские времена всё делалось, чтобы снизить влияние идей Двадцатого съезда партии.

Однако постепенное опубликование материалов, разоблачающих культ Сталина, гласность после 1985 года в конечном счёте привели меня к той оценке, которой он действительно заслуживает. Это диктатор, руки которого запачканы кровью миллионов безвинных людей.

А теперь из области воспоминаний, из того, что сохранила моя память.

Начало 30-х годов. Через наше село Крымское (теперь железнодорожная станция) ежедневно проезжают десятки, сотни повозок с людьми. Не помню, не знаю, куда их везли, люди говорили, что это раскулаченных везли на поселение. Это в нашей-то глуши, в Забайкалье. Куда дальше можно было ещё ехать на поселение?

В посёлке часто проводились торги-аукционы, на которых распродалось имущество, отобранное у этих людей.

В 1937-й и последующие годы, когда проходили так называемые процессы над троцкистско-зиновьевским и другими блоками и группами, в стране была создана такая обстановка ажиотажа, всеобщей подозрительности, что люди верили в правоту этих процессов, поддерживали их. Приходишь в школу, а там говорят, что маршал Тухачевский оказался врагом народа. Мы вырезаем из учебников портреты Тухачевского. На завтра появляются новые враги, мы опять лезем в учебники.

Я учился в пятом классе в школе на железнодорожной станции имени Эйхе. Это рядом с Новосибирском. Нарком Эйхе был одним из организаторов массовых репрессий в Сибири. Кто же знал об этом? Он руководил «чистой» партийного и хозяйственного аппарата, что вызвало беспрецедентную волну арестов. Входил в самую первую из «троек» периода «большого террора»⁵, вынесшую тысячи смертных приговоров во внесудебном порядке.

На декабрьском 1936 года пленуме ЦК ВКП (б), на котором Н.И. Ежов докладывал об «антисоветских троцкистских и правых организациях», Эйхе резко выступил против бывших товарищей по партии: «Факты, вскрытые следствием, обнаружили звериное лицо троцкистов перед всем миром... Вот, т. Сталин, отправляли в ссылку несколько отдельных эшелонов троцкистов, – я ничего более гнусного не слыхал, чем то, что говорили отправляемые на Колыму троцкисты. Они кричали красноармейцам: «Японцы и фашисты будут вас резать, а мы будем им помогать». Для какого чёрта, товарищи, отправлять таких людей в ссылку? Их нужно расстреливать. Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко»⁶.

А уже через полтора года и самого Эйхе обвинили в создании «латышской фашистской организации». А второго февраля 1940-го он в одночасье был осуждён и расстрелян.

В январе 1954 года бывший начальник 1-го спецотдела НКВД Л.Ф. Баштаков рассказывал следующее:

«На моих глазах, по указаниям Берия, Родос и Эсаулов резиновыми палками жестоко избивали Эйхе, который от побоев падал, но его били и в лежачем положении, затем его поднимали, и Берия задавал ему один вопрос: «Признаёшься, что ты шпион?» Эйхе отвечал ему: «Нет, не признаю». Тогда снова началось избивание его Родосом и Эсауловым, и эта кошмарная экзекуция над человеком, приговорённым к расстрелу, продолжалась только при мне раз пять. У Эйхе при избивании был выбит и вытек глаз. После избивания, когда Берия убедился, что никакого признания в шпионаже он от Эйхе не может добиться, он приказал увести его на расстрел»⁷.

Разве мы всё это знали в те годы? Конечно, нет. Мы аплодировали таким, как Эйхе, мы их любили, гордились ими, гордились, что живем в посёлке имени легендарного человека.

Я мог бы и не рассказывать об этом так много, если бы не одно обстоятельство. Вот передо мной «Ведомость оценки знаний и поведения ученика 5 «д» класса станции имени Эйхе Владимира Махнёва». Фамилия Эйхе несколько раз зачеркнута, и выше моей рукой написано «Эйхе враг народа» и написано новое название станции «Инская Томской железной дороги». Я отчётливо помню, как я делал эту запись. Вот так и жили все в те годы. Скажут «герой» – верим, скажут «враг» – тоже верим. А куда деться.

Сталинскому террору подвергались не только люди высшего эшелона. Террор был массовым и захватывал все слои общества. Многие миллионы людей канули в вечность, остались неизвестными.

На нашей станции Бердск перед войной были арестованы два стрелочника – Герман и Лоренц. Один обрусевший немец, другой чех, оставшийся в России со времён Гражданской войны. Люди добросовестные, работающие, скромные, ничем не отличающиеся от окружающих их людей. Их семьи были бедны, так же как и наша. Вряд ли они были сильны в политике. Их жёны, а также и дети так и не узнали, за что арестованы и осуждены их отцы и мужья и где они погибли или умерли.

Помню тревожные ночные разговоры родителей. Кого-то ещё арестовали, и вроде бы за то, что в Первую мировую войну был унтер-офицером и награждён георгиевским крестом.

⁵ Термин современной историографии, характеризующий период наиболее массовых сталинских репрессий и политических преследований в СССР 1937–1938 годов. Кампания массового террора была организована лично Сталиным.

⁶ «Новая газета» о Родосе, палаче НКВД. 23.09.2010 г.

⁷ «Новая газета» о Родосе, палаче НКВД. 23.09.2010 г.

У отца была Библия в твёрдой обложке с позолоченной подписью. Она ему досталась за успешное окончание церковно-приходской школы. Эта книга хранилась в семейном сундуке вместе с документами, и иногда, будучи в добром настроении, отец доставал её и показывал нам, детишкам. Из одного из ночных разговоров родителей я понял, что в случае обыска Библия может послужить вещественным доказательством против отца. И той же ночью отец сжёг в печи эту книгу. Это один из фактов всеобщей подозрительности и боязни того времени.

Непосредственно нашу семью сталинские репрессии не затронули. Хотя у отца были какие-то грехи, которые тяжёлым бременем лежали на его плечах всю жизнь. Я это чувствовал интуитивно. Увольнение его в 1933 году со службы на станции Карымская по сокращению штатов было, видимо, не случайным. Может быть, сказывалось то, что отец был в плену у немцев в Первую мировую войну. Но, как говорится, Бог миловал нашу семью, из неё никто не пострадал в сталинских жерновах террора.

А вот в семье мужа моей сестры Клавдии Алексеевны, Германа Филипповича Лаврентьева, а его родители имели десятерых детей, в тридцатые годы были репрессированы братья Павел, инженер управления Забайкальской железной дороги, и Михаил, бывший офицер царской армии, перешедший на службу в Красную армию. Оба исчезли бесследно. Это пятно потом осталось на семье на всю жизнь.

В восьмом-девятом классах у меня был замечательный друг Лёня Рудаков, мы с ним сидели за одной партой. Его отец, бригадный комиссар, был арестован и исчез бесследно. Лёня приносил в школу фотографию отца, показывал мне, он гордился отцом, считал, что произошла ошибка, что в конечном счёте его оправдают и выпустят. Увы, так думали тогда многие.

Я помню разговоры взрослых. Нередко в них звучало сочувствие к жертвам террора, неверие в их враждебность к советскому строю. Правда, говорили это в кругу близких людей, так как донос о таком разговоре мог стоить жизни любому человеку.

На Дальнем Востоке и в Сибири известен и авторитетен был В. Блюхер, герой Гражданской войны, один из первых маршалов Советского Союза. Когда его репрессировали, многие не верили в его вину, искренне жалели Василия Константиновича. Много добрых слов слышал о А. Косарева, генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ, которого постигла участь врага народа.

После войны всем казалось, что всё изменится, исчезнут подозрения, доносы и прочее, в нашей жизни уже не будет места репрессиям, народ-победитель заслужил более уважительное отношение к себе. Но эти надежды не оправдались. Репрессии к бывшим военнопленным, к тем, кто жил на оккупированной территории, перемежались с появившимся надуманным ленинградским делом, делом врачей и т. д.

Чего, например, стоило мне писать в анкетах, что моя жена во время войны жила на оккупированной территории, что она уроженка Западной Белоруссии, что она не участвовала ни в каких антисоветских формированиях и так далее. И в подобной ситуации оказались миллионы советских людей.

В сорок восьмом году в городке Поставы, где я служил, два хороших офицера-фронтовика пострадали лишь за то, что женились на сестрах, отец которых при Польше владел швейной мастерской. Мастерскую и другое имущество уж давно отобрали у этого человека, жил он простым смертным, но власти помнили, что он был «хозяйчиком». И вот вначале на офицеров было оказано давление через политотдел и особый отдел с тем, чтобы они отказались от женитьбы. А когда офицеры не пошли на это, оба были уволены из армии и наказаны по партийной линии.

Вместе с тем в народе где-то внутри подспудно назревало сопротивление массовому насилию. Люди уже не встречали аплодисментами очередные судебные процессы или новое дело. Шло критическое осмысление, и не всегда в пользу вождя. Я хорошо помню, как на полковом партсобрании принимали в партию начальника вещевой службы, побывавшего в немецком

плону. По-товарищески требовательно, но доброжелательно коммунисты разобрались в деле этого офицера и приняли его в ВКП(б), хотя особисты на этот счёт имели другие планы.

В 1953 году в политотдел нашего корпуса прибыл из Ленинграда подполковник Локтик Георгий Дмитриевич. До этого он работал в политуправлении Ленинградского военного округа, и в связи с так называемым ленинградским делом он был снят с должности, наказан по партийной линии и с понижением направлен в политотдел корпуса. Это был прекрасный человек, патриот, доказавший свою преданность Родине в борьбе с фашизмом. В коллективе политотдела он сразу нашёл сочувствие, поддержку и проявил себя с самой лучшей стороны.

Чтобы принять сегодняшнюю объективную оценку сталинского периода жизни страны, оценку самого Сталина, лично мне потребовалось много времени. Прочитано и осмыслено много материалов, опубликованных в печати. И я не верю тем людям, которые вчера восхваляли Сталина, Хрущёва, Брежнева, а сегодня вдруг кардинально переменились. Если человек имел убеждения, искренне верил во что-то или кому-то, то не может он без колебаний, долгих и болезненных размышлений отречься от этой веры и вот так сразу перемениться.

Но я также не могу согласиться, хотя понять могу, с теми людьми, которые так зациклились на Сталине и сталинизме, что их не могут переубедить никакие самые достоверные факты.

И ещё хотел бы вернуться к тому, о чём уже говорил. Справедливо критикуя Сталина и сталищину и всё, что связано с этим, нельзя огульно очернять всё поколение людей, беззаветно трудившихся и воевавших во имя социализма и коммунизма. Иначе мы возвратимся к Сталину, ведь огульное охаивание и очернение всего прошлого – это тоже своеобразный террор, моральный террор.

Думаю, что история в конечном счёте поставит всё на свои места.

Старые документы рассказывают

В моём семейном архиве хранится много интересных документов разных времён. Это различные удостоверения, справки, вырезки из газет, письма, грамоты, фотографии. Каждый из этих документов отражает определённый период жизни конкретного человека, но вместе с тем по ним можно судить об эпохе, в которой мы жили. Иногда у меня появляется желание заглянуть в свой архив, полистать старые документы, окунуться в историю, взбудоражить память. Читаешь пожелтевшие листки, а в памяти, как в кино, возникают картинки, связанные с этими документами. Сердце щемит...

Стареем, брат. Становимся сентиментальными.

Полистаем ещё разок некоторые документы из архива.

Небольшая, размером 10 × 15 см книжка в синей обложке. Открываем. Вверху герб Российской империи, ниже – текст: «Паспортная книжка». Текст от руки чернилами: «Выдана Вятской губернии, Орловского уезда, Илганской волости тысяча девятьсот одиннадцатого года, июля месяца, 5 дня, подведомственному деревни LINEЯ Алексею Гавриловичу Махнёву».

Это паспорт моего отца. В нём, как и положено: имя, отчество, фамилия, дата рождения 15 сентября 1884 года. Звание крестьянское, вероисповедование – православное.

Владивостокским городским полицейским управлением внесена запись: жена Марина Тимофеевна и дочь Клавдия, родившаяся 15 марта 1910 года. Подписано помощником полицеймейстера и столоначальником и заверено печатью.

На странице 16 заголовок. Старорусским: «Место для прописи видов в полицию», то есть по-современному прописка. Дальше от руки: явлен жандарму ст. Кундур Амурской ж/д 14 декабря. Жандарм Голуб.

Потом Владивосток, май 1914 года, Хабаровск, июнь 1914-го. На этом запись обрывается.

Началась Первая мировая война, отца призвали и отправили на фронт. В ноябре 1914 года под Березином отец был взят в плен немцами и до ноября 1918 года находился в Германии.

О дальнейшей судьбе отца свидетельствует другой документ – билет военнопленного, он служил вместо паспорта. Этот билет был выдан ему Центральной коллегией о пленных и беженцах, её Орловским уездным отделением Вятской губернии весной 1919 года. Был такой орган сразу после войны.

По рассказам отца, из плена его освободили в ноябре 1918 года, в это время в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке шла гражданская война, и отец никак не мог попасть в Карымскую, где находилась его жена с тремя детьми. Он вынужден был ехать на свою родину в Орловский уезд Вятской губернии, где и прожил около двух лет, пока не закончилась война в Сибири и Забайкалье.

Вернёмся к паспорту. Отметка: «Явлен в железнодорожной милиции (уже не к жандарму) при станции Карымская 20.01.1921 г.» «12 июня 1921 года в Карымском волостном нарревкоме». Чувствуется эпоха. И ещё: «Явлен надзирателю 4 участка Читинской уездной милиции 10.09.1923 г.» Почему надзирателю? Теперь спросить уже не у кого. Но на билете военнопленного стоит штамп: «Паспорт выдан. 1933 год». Можно только догадываться, что до 1933 года отец жил по билету военнопленного, был под надзором. Может, это была причина его увольнения по сокращению штатов в 1933 году в Карымской и нашего переезда в Бердск. Пятнадцать лет отец, как с клеймом, ходил с этой бумажкой. Ясно, что в годы всеобщей подозрительности и недоверия он был «получеловеком». Ясно и другое: младший стрелочник – это был пик его служебной карьеры, ни о повышении, ни об учёбе он и не мог мечтать.

Ещё один документ. Справка: «Дана тов. Махнёву А.Г. в том, что он действительно работает на станции Новосибирске в качестве младшего стрелочника. Оклад 102 рубля». И дата – 15.04.1934 года.

В это время мы жили в теплушке, которая стояла в тупике около паровозного депо на станции Новосибирск-2. Семья состояла из пяти человек: отец, мать и трое малышей. Ещё трое, мои старшие братья и сестра, уже жили самостоятельно. Мать не работала. Как можно было жить на нищенскую зарплату, а ведь жили. Очень трудно жили, бедность была страшная.

А вот характерный документ сталинской эпохи. Листовка от газеты «Социализм» (Новосибирская область), 17 марта 1936 г.

Вспоминаю событие, связанное с этой листовкой. Через Бердск проезжал заместитель наркома путей сообщения Кишкин В.А. В стране шла беспощадная борьба с врагами народа. Проезд замнаркома через станцию был обставлен по всем правилам того времени. Стрелочников, которые по графику должны были дежурить, заменили дежурными по станции, а дежурного по станции сменил сам начальник станции. Стрелки, обычно запиравшиеся на замок, забили костылями. С вокзала выгнали всех посторонних, он был оцеплен милицией. Надо понимать, это не только на нашей станции всё обставлялось таким образом, аналогично делалось по всему маршруту проезда чиновника.

Наш дом находился метрах в ста от вокзала. Мы, мальчишки, залезли на крышу сарая и ждали, когда же проедет поезд с большим начальником. И дождались. Через станцию на большой скорости промчался состав из трёх-четырёх вагонов. Впереди платформа с балластом.

Так вот, вероятно, этому «великому событию» и была посвящена листовка. Отпечатана она на грубой серой бумаге тиражом в 300 экземпляров. Это образец культового документа. Почитаем.

Вверху: «По-большевистски выполнять боевой наказ железного наркома товарища Л.М. Кагановича»⁸. Эпиграф – цитата из выступления Кагановича. Ниже призыв Кагановича. Слева постановление ВЦИК СССР за подписью М.И. Калинина о переименовании Пермской железной дороги в дорогу имени Кагановича. Справа – телеграмма Кагановича слёту стахановцев. В нижней части листовки – извещение о прибытии в Новосибирск замнаркома Кишкина, боевое задание Томской железной дороге, задание станциям Искитим и Бердск (речь идёт о количестве отправляемых поездов, составов и погрузке вагонов).

В самом низу две интересные заметки. Слева под заголовком «Стахановец Махнёв не допустил аварию» рассказывается, как стрелочник Махнёв предупредил аварию. Заметка подписана буквой «М». Справа информация «За первенство в стахановской декаде». В ней идёт речь о том, как в Бердске началась стахановская декада. Подписана информация Махнёвым. Около этих строк пометки красным и химическим карандашом, оставленные отцом. Да и листовка, как я понимаю, сохранилась потому, что в ней упоминается отец. Представляю, как корреспондента-газетчика срочно послали в Бердск организовать накануне приезда начальства выпуск листовки. Надо же было показать себя, что мы, дескать, не лыком шиты и не зря здесь, в глубинке, хлеб едим. Газетчик долго голову не ломал, взял испытанный штамп периода культа личности, и этот штамп сработал. Задача была выполнена.

А как отец оказался в заметке? Его представили шустрому газетчику как стахановца, отец действительно был добросовестным работником, значит, стахановец. Газетчик побеседовал с отцом, и из этой беседы появились две заметки.

А в общем-то эта листовка – свидетельство нашей эпохи, нашей жизни в тридцатые годы, малый кусочек нашей истории.

До недавней поры я был уверен, что 5-й класс заканчивал в 128 средней школе на станции Инская, а 6-й в 49 средней школе на этой же станции. Но вот вынул из архива чудом сохранившийся лист – ведомость оценки знания и поведения ученика 5 класса Махнёва Владимира.

⁸ Лазарь Моисеевич Каганович (10 [22] ноября 1893 года, Киевская губерния, Российская империя – 25 июля 1991 года, Москва, СССР) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель, близкий сподвижник Сталина. Один из главных организаторов сталинских репрессий.

Внимательно рассмотрел все пометки и установил, а память подтвердила: я начал учёбу в 5-м классе 128 средней школы, а после 1 четверти перешёл в 49 школу. Дело в том, что я жил в то время у брата Ивана, который работал паровозным машинистом на станции Инская. Брат был женат, они с женой не имели своего угла и квартировали в частных домах. В конце 1937 года Иван Алексеевич получил комнату в двухэтажном деревянном доме. Квартира была коммунальная, на одной кухне хозяйствовало три семьи. Состоялся переезд с одного конца посёлка на другой. 128 школа оказалась далеко от нового места жительства, рядом была 49 средняя школа, поэтому я в неё и перешел.

Итак. Ведомость.

Слева сверху резолюция директора: «зарегистрировать в 5 "б"». Подпись: Д. Алексеев.

Теперь посмотрим, как я учился.

Восемь предметов: русский язык, литература, арифметика, естествознание, немецкий язык, география, рисование, физкультура. Практически по всем предметам и по всем четвертям – отличные оценки. В то время в пятых классах были годовые экзамены. Годовые оценки все «отлично».

Классным руководителем у нас была Александра Петровна Редькина, замечательный педагог и воспитатель. Она вела курс естествознания и ботанику. Интересная деталь: в графе «подпись родителей» стояла подпись моего брата Ивана, у него я жил тогда, и он выполнял функции родителей.

Никто меня не принуждал, родителей рядом не было, брат постоянно на работе, и я вполне самостоятельно зарабатывал свои пятёрки. Приятно вспомнить.

Сохранились несколько коротких писем, отпечатанных на машинке. Они были присланы мне детской редакцией Новосибирского радиокомитета в 1939-40 годах. Я был активным корреспондентом «Пионерских новостей», регулярно писал в эту программу, и мою информацию передавали по областному радио. В какой-то мере стал известным человеком. Даже переписывался с ребятами и девушками из разных уголков Сибири.

В письмах из редакции мне давались задания на определённую тему, присылались тематические разработки, рекомендации. В общем-то это была хорошая политическая, общественная и литературная учёба. Рос мой кругозор, закладывалась моя будущность как человека, коммуниста, политработника. Я могу этим только гордиться.

А вот письма другого рода. В те же 30-е годы в стране велась большая работа по развитию детского творчества. В школах, домах пионеров работали различные кружки. В разное время я принимал участие в работе художественного, литературного, физического кружков, в школьной самодеятельности. Возглавляли это дело учителя-энтузиасты, люди большой души.

Я с детства увлекался рисованием. Это занятие родители и учителя заметили и всячески поощряли. Дважды участвовал во всесоюзных конкурсах художников для детей. Два письма, присланные мне из жюри конкурсов, – свидетельство тому. В одном из них говорится, что на мои рисунки обратил внимание заслуженный деятель искусств Д.С. Моор, известный в стране художник.

Продолжая эту мысль, скажу, что в 1942 году, когда я учился в 128 школе и жил в пришкольном интернате, у нас была прекрасная школа для будущих художников, кружок работал под руководством учителя рисования А.И. Ботанина. Сохранилась коллективная фотография нашего кружка. На ней мы, школьные художники, во главе с А.И. Ботаниным, а сзади, на стене, развешены наши картины, в том числе и моя, «Паровозное депо ст. Инская», написанная маслом.

В марте 1941 года я был награждён грамотой Первомайского районного горкома ВЛКСМ и горно за участие во Второй олимпиаде детского творчества и в качестве подарка получил две книги с иллюстрациями. На олимпиаде выставлялись две моих картины.

А вот ещё один документ, да, именно документ, это «Комсомолка» за 1961 год, 13 апреля. Газете этой более полувека.

В 1961 году я получил новое назначение по службе и, пока без семьи, переехал в город Потсдам (ГДР). Первое время жил в гостинице. Помню, 12 апреля утро выдалось по-весеннему солнечное и тёплое. Я был ещё сравнительно молод, тридцать шесть лет, здоров, доволен своим новым назначением, всё это и прекрасная погода создавало хорошее настроение, придавало бодрость. Мною владело ожидание чего-то необыкновенного.

И предчувствие моё сбылось. Выйдя из гостиницы на улицу, я услышал знакомый голос Левитана, торжественно вещавший из динамика на площади перед штабом дивизии. Левитан передавал правительственное сообщение о первом полёте человека в космос. Этим человеком был гражданин СССР майор Юрий Алексеевич Гагарин. Не описать огромного всплеска радости и гордости, вызванного этим сообщением у солдат, сержантов и офицеров и у меня вместе с ними. Раздавались возгласы: «Молодец, Юра!», «Слава Гагарину!», «Вот дают наши!».

Здесь же, рядом с газетой, в моем архиве хранится записка, написанная на листке, вырванном из школьной тетради. Вот её содержание.

«Юрий Гагарин! Брат мой! Как же так, тебя нет! Не верю в это. Хотелось, чтобы ты жил. На твоём примере, на тебе надо учить молодёжь, всех преданности Родине, идейной убеждённости.

Плачу, по-мужски плачу по тебе, Юра, брат мой, человек Планеты, Первый космонавт. Жить бы тебе да жить.

Но герои не умирают. Память о тебе, о твоём подвиге будет вечна. Я до самой своей смерти всегда и везде буду славить твой подвиг, тебя!

Написано во время телепередачи церемонии похорон Юрия Гагарина 30 марта 1968 года в 14.45».

Вот такая записка. Может быть, наивна и эмоциональна. Писал я её под впечатлением похорон, писал и плакал. Мои чувства выражены искренне. Я помню и как сейчас ощущаю на лице эти горькие мужские слёзы. Плакали в эти дни все. Так было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.